

Болгарии

Тебе, Болгария родная,
слагаю песни я сейчас.
Твои страдания вспоминаю,
кровь, что из ран твоих лилась.

О тех слезах пою, что снова
текут по всей родной земле,
и о венце пою терновом.
что на твоём горит челе.

Пусть я в изгнание, на чужбине, —
твоим лесам я не чужой,
и твоего тирана ныне
я проклиная всей душой.

Прими те песни, мать родная!
В ответ на твой печальный зов
их родила к тебе любовь.
Всю душу мне переполняя.

Прими те песни, песни гнева:
они — как вихрь ночной, унылый.
Как шум печальный Струмы милой,
как бора темного напевы.

О мать, я сам видал тирана,
что разорил болгар жильё,
и сердце слышало мое,
как плачут гордые Балканы

и небо синее твое.

Но сквозь потоки алой крови.
что проливаешь ты в борьбе,
я вижу день счастливой новый,
сужденный в будущем тебе.

Лишь эту веру и мечтания
мне б не разбить, не потерять.
И чутким эхом из изгнания
опять на зов твой отвечать,

30 ноября 1876 г.

Жалобы матерей

«И женщины меня останавливали, чтобы поведать о своих страданиях. Они плакали и били себя в грудь, но я ничем не мог им помочь».

Januarius MacGahan

Чужеземец милосердный,
ты послушай наш рассказ.
Бог послал тебя, наверно,
чтобы ты услышал нас.

Видишь злую нашу долю,
видишь, как мы слезы льем?
Как страдаем мы от боли.
как от голода мы мрем?

Были дети-ангелочки...
Где они?.. Их больше нет!
Нет моей любимой дочки,
что цвела, как маков цвет.

Здесь, в родном своем селенье,
я жила с семьей своей,
труд моим был утешеньем,
дети — гордостью моей.

Все сгубила вражья сила,
принесла к нам смерть и страх...
Нет моих детишек милых,
дом родной разрушен в прах!

На ногах держусь едва я,
нет ни хлеба, ни угла.
Удивляюсь, что живая,
что еще не умерла!

Может, ты нас не обидишь
(с виду — добрый человек).
Ах! Те раны, что ты видишь,
не затянутся вовек!

Чужеземец милосердный,
люди знают ли о нас?
Ах! Так страшно, так безмерно
кто-нибудь страдал у вас?

Видел ты, как душегубы
на глазах у матерей
малых деток саблей рубят
и бесчестят дочерей?

Дочь растила молодую,
всей душой ее любя...
Где теперь ее найду я?..
Были ль дети у тебя?

Знаешь ты, что это значит —
всех их сразу потерять?
Знаешь ты, как горько плачет
о погибших детях мать?

Видел ли, как дом сжигают,
превращая в дым и тлен?
Божью церковь оскверняют,
молодежь уводят в плен?

Стариков изнеможенных

злобно жгут в огне костров,
убивают нерожденных,
чрево матери вспоров?..

Ты скажи — такое было ль
там, в земле чужой, хоть раз?
Ты скажи нам, странник милый,
есть ли турки и у вас?

К Европе

Сейчас, когда весь Хемус дрожит до основания,
когда всё злее турки, все чаще хлещет плеть
и мир кипит от страха и от негодованья, —
спросил бы я Европу: доколе же терпеть?
Ужель Европа верит, что это злое племя,
привыкшее столетья пить пот и кровь сосать,
пришедшее из степи сюда в былое время,
способно измениться, ручным и добрым стать?

Ужели смеет, может поверить тот, кто взглянет
на нынешние зверства хотя бы раз один,
что тигр, смягчившись правом, вдруг человеком станет,
что станет братом, другом, кто ныне господин?

Найдет ли милосердье, найдет ли состраданье
несчастный раб, что пашет и проливает пот.
В презренном паразите, в разбойнике, в тиране,
у дервишей, черкесов, грабителей-господ?

Но, боже, что я вижу! Дала Европа слово
оберегать тирана, который мучит всех.
В ее душе торговой нет ничего святого,
Страданья, слезы наши в ней вызывают смех.

Она твердит упрямо, мечтая о добыче:
«Гасан, Гасан нам нужен! Нам нужен мир к тому же!»
И смотрит, как бесчестит коран креста величье,
Как под ярмом в неволе миллионы стонут душ.

Ужели нашей кровью и нашими слезами

Им вечно упиваться? Какой жестокий пир!
Нет, если ради мира должны мы быть рабами.
Да будет проклят этот несправедливый мир!

Народ наш начал битву великую с тираном.
В волнах, застигнут бурей, зовет на помощь он,
зовет в единоборстве с кровавым басурманом:
«Мне руку протяните, и буду я спасен!»

Ужель Европа рада тому, что мы слабеем?
Ужель ей тешит сердце наш полный скорби крик?
Ей стоит лишь притопнуть, лишь пригрозить злодеям,
и бледный полумесяц погаснет в тот же миг.

Да, этот трон, проливший народной крови реки,
ослабленный развратом, потрепанный в боях.
Не трон — скелет бездушный и проклятый навеки —
от одного удара рассыпался бы в прах.

О, европейцы, славной кичитесь свободой.
А мы живем под игом жестокости и зла.
Где сделались убийства обычаем и модой.
И наши жертвы гибнут, и нету им числа.

О, европейцы, знайте, неведомо вам горе,
коль нету в вашем доме такого дикаря,
как тот, что нас бесчестит и мучит на просторе,
невинной кровью землю моей страны багря.

Смотрите же, любуйтесь, как злобны истязанья,
как матери сгорают, как падают отцы.
На виселицах гибнут надежды, упованья,
и девушек в неволю уводят подлецы.

И вас ведь посещала в былые дни невзгода.
Вы лили кровь, чтоб волю добыть своим сынам.
Досель гремит по свету ваш гордый клич: Свобода!
Так отчего же ныне столь холодны вы к нам?

Позор для христианства! Позор, позор для века,
что создан для прогресса! Позор, что до сих пор

жестокий держит варвар в неволе человека.
Что под пятой у турок находится Босфор!

Доколе чужеземцам здесь буйствовать?
Доколе врагам родную землю терзать и разорять?
Пора рабу воспрянуть, чтоб жить на вольной воле,
пора уже и счастьем в отчизне воссиять!

17 июля 1876 г.

Дизраэли

«Резня и сеча у болгар.
Газеты нам твердят об этом
и обвиняют янычар.
Но я клянусь пред целым светом,
что это лжи сплошной угар —
мы знаем цену тем газетам.

Да, о болгарях ложь твердят, —
их будто турки избивали,
что там три месяца назад
невинной жертвой люди пали;
Мне Элиот прислал доклад
о том, что турок оболгали.

Я не скрываю ото всех,
что в селах были там пожары.
Все ж клеветать на турок грех, —
в том неповинны янычары.
Я точно знаю: в селях тех
дома свои сожгли болгары.

О женщинах? Возможно... ах!
Османы в том слабы... но лживы
газеты наши, просто страх.
Ведь ложь — основа их наживы.
Убиты девушки в статьях,
они ж в действительности живы».

Так равнодушно глядя в зал,

в бесстыдной речи министерской
о нас цинично лорд сказал
с холодной ненавистью зверской.
Он перед миром обливал
народ наш ложью самой мерзкой.

Позор ему! Какой позор!
Летят протесты отовсюду,
разят, как молния, в упор.
Они клеймят лжеца, Иуду.
О, Англия! До коих пор
тобой иуды править будут?!

Август 1876 г.

Моей лире

Петь собирался краю родному
весело, гордо; петь по-другому —
в песне рыдать мое сердце устало;
думал, для славы время настало.

Думал — но горе! Лира родная!
Где она, где она, высь золотая?
Кровью сочатся глубокие раны,
черные в скорби стонут Балканы.

Пламя восторга дни погасили —
братья мои в холодной могиле.
Всех бы тиран уложил на погосте!
Цепи, гремя, врезаются в кости.

Рабство, неволя! Где же свобода?
Не заживают раны народа!
Тучи сгустились в небе незрячем...
О, моя лира, вместе заплачем!

Вместе заплачем: все ведь в печали, —
Надо, чтоб струны ей отвечали!
Сохнет земля, леса увядают,
Янтра клокочет, Марица вздыхает...

Нет, не погибнуть нашей надежде!
Пылкая вера в сердце — как прежде.
Чувств не остудят тяжкие годы.
Лира! Огонь по струнам проходит.

Верю, верю: хранимы судьбою,
лучшие дни придут за бедою —
встанем, ярмо ударом сметая.
Восторжествует правда святая!

Кровью невинной, кровью багряной
залили землю руки тирана.
Кровь превратится в пламя и реки,
кровь поглотит его, верю, навеки!

Жены, заколотые штыками,
дети, изрубленные клинками.
Юноши, чьи почернели лица, —
на виселицах или в темницах;

Девушки, ангелов божьих прекрасней, —
в пламени ада, в муке ужасной...
Нижу страдания, слезы народа,
верю — родят они нашу свободу.

Июль 1876 г.

Россия

Повсюду там, где вздох суровый,
где неутешно плачут вдовы,
где цепи тяжкие влекут,
ручьи кровавые текут,
и узник-мученик томится,
и обещаны девицы,
и рублища сирот сквозят,
и старики в крови лежат,
и в прахе церкви, сёла в ранах,
и кости тлеют на полянах,
у Тунджи, Тимока и Вита,

где смотрит жалкий раб забитый
на север, среди темных бед, —
по всей Болгарии сейчас
одно лишь слово есть у нас,
и стон один, и клич: Россия!

Россия! Свято нам оно,
то имя милое, родное,
оно, во мраке огневое.
для нас надеждою полно.

Напоминает нам, скорбящим,
что, всем забыты миром, мы
любовью сладостной, хранящей
озарены средь нашей тьмы.

Земля великая, Россия,
Всей ширью, светом, мощью — ты
с небесной только схожа синью,
с душою русской широты.

Там все моленья наши слышат,
И в нынешний печальный час
восьмидесяти миллионов дышат
сердца, волнуясь за нас.

О. скоро нам свою протянет
могучую десницу брат,
и кровь поганых литься станет,
Балканы старые взгремят!

И от Камчатки дальней, снежной
до финских скал — одна, остра,
гроза осветит край безбрежный,
единый крик взгремит: «Ура!»

О, здравствуй, Русь, в красе и мощи.
Мир вздрогнет, услыхав тебя!
Приди, царица полуночи,
зовем тебя, зовем любя!

Народ зовет единокровный.
И час настал — к своим приди.
Что предназначено, исполни,
Завет великий воплоти!

Ведь ты для нас славнее славных.
Тебе на свете нету равных —
вместила в ширь границ своих
Народы, царства, океаны —

не обзреть пространства их.
Сам Бог хранил от силы вражьей
тебя, стоящую на страже.

Тебя, восставшую крушить
Мамая орды, Бонапарта.
Умеешь ты врага страшить,
Лишь на твою он взглянет карту.

И мы тебя зовем святой,
и как сыны тебя мы любим.
и ждем тебя мы как Мессию —
ждем потому, что ты Россия!

22 ноября 1876 г.